

Козловский С. В.

**Илья Муромец и его время:
историография и перспективы изучения образа былинного героя**

Без упоминания Ильи Муромца не смог обойтись ни один исследователь восточнославянского эпоса. Герой настолько уникален, что вокруг его образа построено все повествование былин. Какой бы герой ни появлялся в былинах, он обязательно будет сравниваться с Ильей, как древнерусским эталоном рыцаря «без страха и упрека».

Илья Муромец не всегда крестьянин, а скорее христианин, причем грамотный, по функциям он не столько воин, сколько судья и воевода. В его личности переплелись разновременные черты, которые не всегда можно отделить. Он одновременно и конюх Святогора, и крестьянский/христианский сын — «сидень» (калика), и «стар казак» (голь). Он появляется то в качестве новичка в период первенства Алеши Поповича при дворе/дружине Князя Владимира, то зовет в Киев Добрыню, то приглашается Добрыней на княжеский пир. В былинах проскальзывают оговорки о том, что Илья Муромец — не собственное имя, а нарицательное, полученное от калик. Иногда Илья называет себя другим именем: «Никита Заолешанин».

Личность Ильи Муромца оказалась настолько популярной, что изучением деяний и поиском возможного прототипа занялись представители православной церкви. Наличие Ильи из Мурома в Ближних пещерах Киево-Печерской Лавры упомянуто Афанасием Кальнофойским в «Тератургиме». Сведения о Гробнице Ильи в Киеве упоминали иностранцы, например Эрих Лассота, т.е. это имя было «на слуху» — не просто известным, а знаменитым.

Историография представленной темы необъятна, но действительно научных, обоснованных мнений об Илье Муромце не так много. Большинство специалистов присоединялись к суждениям ключевых экспертов в области русского былинного эпоса, либо мало отличались от них.

К.С. Аксаков¹, рассуждая об образе Ильи Муромца, упомянул его разновременные черты, но толкования его временной принадлежности давать не стал.

По А.Н. Афанасьеву, былины о Святогоре, Илье Муромце и Микуле восходят к скандинавским сказаниям: «В русском предании Илья Муромец заступает место бога-громовника Тора»².

Ф.И. Буслаев отчасти соглашался с ним: «Величаявая личность Ильи Муромца, в основных своих очертаниях, может быть, напоминала идеальные типы полубогов, сокрушителей всего зловредного на земле; может быть, она была снимком с мифического идеала какого-нибудь Перуна, этого Громовержца Тора

¹ Аксаков К.С. Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика / Сост., вступит, статья и коммент. А. С. Курилова. М., 1981.

² Афанасьев А.А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868. С. 670.

славянской мифологии. Но в эпоху историческую, когда сложился цикл Владимиров, Илья Муромец стал могущественным представителем сил простого народа и защитником его интересов пред исключительным господством дружины»³. Ученый выделял два слоя эпических отношений — «первобытный мифологический эпос», к которому относил борьбу с Соловьем-Разбойником, и «сословные отношения», относящиеся к позднейшей эпохе. Отдельно он упомянул превращение муромского мужика в донского казака, закончившее историческое формирование героического образа.

Л.Н. Майков⁴ указал на бытовые черты, упомянутые в былинах, и сумел большую их часть соотнести с летописными сведениями X–XIII вв. В былинах об Илье Муромце он выделял поздние наслоения: «...многие былины придают Илье прозвище старого казака и атамана, вероятно под влиянием поздних неприязненных отношений между высшим классом и крестьянством; как известно, эти отношения содействовали распространению казацких вольниц на русских окраинах. Представляемый казаком, Илья Муромец в одной казацкой песне становится даже современником и товарищем Стеньки Разина».⁵ Ученый одним из первых заявил о наличии в былинах такого явления, как правдоподобие: «Подвиги и приключения Владимировых богатырей дружинников — по большей части вымышленные, но побуждения, их создающие, и самый образ действия былинных героев так близки к действительным явлениям тех отдаленных веков русской народной жизни, когда Русь впервые обособилась в отдельное государственное тело, что общий смысл богатырской деятельности, а следовательно, и смысл эпоса о ней — уже исторический...»⁶ Т.е., действия богатырей соответствовали стилю эпохи, что позволяет рассматривать их как исторически достоверные.

О.Ф. Миллер нашел в былинах два слоя: мифический и историко-бытовой, выделив в последнем ранний и поздний периоды: «Такое поставление нашего богатыря в ряды земской богатырской дружины уже представляет нам склад историко-бытовой, имевший возможность только в позднейшее время наслоиться на первоначальную мифическую основу... По обособленности содержания, более древними, сравнительно с длинными пересказами Киреевского, должны быть признаны коротенькие, не знающие решительно ничего о прочих богатырях и о богатырской заставе»⁷. К раннему периоду ученый отнес сюжеты с трагической развязкой (по аналогии с кельтскими и иранскими). Единого подхода к образу Ильи Муромца у него не прослеживается, и сравнительный метод выступает лишь в как фон для рассуждений автора, большая часть из которых имеет историко-бытовой характер.

В.В. Стасов на основании сравнительного анализа пришел к выводу о сходстве многих сюжетов русского эпоса и восточных сказаний, наподобие эпоса

³ *Буслав Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. СПб., 1861. С.417–418.

⁴ *Майков Л.Н.* О былинах Владимирова цикла. Исследование на степень магистра русской словесности. СПб., 1863.

⁵ Указ. соч. С. 118.

⁶ Указ. соч. С. 138.

⁷ *Миллер О.Ф.* Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса: Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869. С. 14.

«Джангар». Судя по сноскам⁸, он был готов считать даже не заимствованием, а древнейшим индоевропейским мотивом. Его вывод об Илье Муромце был следующим: «Крестьянское происхождение его, детство, отрочество, зрелые годы и смерть — рассказы обо всем этом создались первоначально не у нас, не в нашем отечестве, и никоим образом не изошли из исключительных особенностей русского духа»⁹.

Для И.Н. Жданова образ Ильи не имел особого значения. Илья занимает место Святогора точно так же, как Святогор занимает место Самсона, а последний, в свою очередь — Озириса: «Рассказ о примеривании гроба принадлежит к числу тех, которые повторяются в сказаниях разных народов»¹⁰. Поэтому об исторической привязке былинного сюжета речь не идет.

М.П. Погодин считал былины искаженной историей эпохи князя Владимира: «Былины или песни былевые дошли до нас в самом поврежденном виде, почти изуродованные, но основание их, без всякого сомнения, относится к глубокой древности, ко времени главного лица, около которого все они, так или иначе, обращаются — стольного киевского Владимира»¹¹. Илья Муромец упоминается у него, вслед за Майковым, вместе с Тидрек-сагой, как свидетельство наличия образа Ильи в XIII веке¹².

В.Ф. Миллер, часто упоминавший Илью Муромца, полагал его «главным героем татарского периода»¹³. Но в своих суждениях он не всегда последователен: «На имя любимого народного богатыря наслонилось немало сказаний разного времени и различного происхождения»¹⁴. Так, в частности, эпитет «казак», по его мнению, прикреплён к Илье Муромцу в XVII веке¹⁵.

Г.Н. Потанин, на основе анализа материалов из Гэсериады, сказок и восточных преданий, предполагал, что былины и сказки об Илье содержали «рассказ о приносе реликвий»¹⁶. Кроме прочего, его работа содержит эпизод, объясняющий окаменение богатырей «самосозданием статуй» по аналогии с тангутской легендой.

А.Н. Веселовский¹⁷, анализируя былинку о Соловье Будимировиче и свидетельства бытования (синкретических, по его мнению) былин с участием Ильи и Соловья в XVI в., отметил, что уже в тот период (когда было написано письмо Кмиты Чернобыльского) былина о Соловье была древней.

М.Г. Халанский, в ранний период творчества, упоминал Илью как участника событий сюжета о гибели богатырей. О времени сложения былин напрямую он не писал, то ссылаясь на мнение Л.Н. Майкова, то отделяясь полуна-

⁸ Стасов В.В. Происхождение русских былин // Вестник Европы. Кн. 4. Т. 2. 1868. С. 655.

⁹ Указ. соч. С. 675.

¹⁰ Жданов И.Н. К литературной истории русской былевой поэзии. СПб., 1881. С. 158.

¹¹ Погодин М.П. Замечание о наших былинах // Журнал министерства народного просвещения. 1870. Декабрь. С. 155.

¹² Указ. соч. С. 161.

¹³ Миллер В.Ф. Эскурсы в область русского народного эпоса. I–VIII. М., 1892. С. 56.

¹⁴ Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. Очерки I–XVI. М., 1897. С. 362.

¹⁵ Миллер В.Ф. Отголоски смутного времени в былинах. СПб., 1906. С. 56.

¹⁶ Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899. С. 704.

¹⁷ Веселовский А.Н. Южно-русские былины. СПб., 1881. С. 78.

мёками на более позднее время, считал былины разновременными и нуждающимися в выявлении происхождения сюжетов: «Нужно развенчать здание киевского эпоса, лишить его внешнего единства, рассматривать былины независимо от города Киева и кн. Владимира. В лишенных таким образом общей связи былинах отыскивать, какие принадлежат народному русскому творчеству, какие заимствованы; какие рассказывают о действительных исторических лицах и событиях, и какие суть образы, чистые создания народной фантазии; какие несомненно зашли на север с юга, из Киевской Руси, и какие принадлежат Руси северо-восточной (Владимирской и Московской)»¹⁸. Позднее, в начале XX века, он заявлял¹⁹ о том, что Илья Муромец имеет северное (скандинавское) происхождение, он «Урманн», т.е. норманн, и, вероятно, его образ связан с образом Олега Вещего.

Н.П. Дашкевич упоминал Илью Муромца, но для него Илья, хотя об этом напрямую не сказано — лицо не историческое, не упомянутое в письменных источниках, в отличие от Алеши Поповича. Ученый считал, что имеет место «...возвеличение крестьянства в нашем былевом эпосе в лице Ильи и дочерей Микуды Селяниновича»²⁰. Он привел обзор современной на тот момент дискуссии о времени создания былин, указав на крайнюю степень сомнения в их отношении со стороны Д. И. Иловайского и И. И. Срезневского.

Мнение Д.И. Иловайского представлено в статье «Богатырь-казак Илья Муромец как историческое лицо»²¹. Эта статья посвящена не столько Илье Муромцу, сколько разбору труда В.Ф. Миллера (Экскурсы в область русского народного эпоса) и статей Н. Д. Квашнина-Самарина.

Точка зрения Д.И. Иловайского — если нет указаний на Илью Муромца в летописях или иных письменных источниках, то его не было вообще. Он не допускает в эпосе сведений, противоречащих летописям, либо независимых от письменных источников, указывая на наличие в былинах большого пласта информации, связанной с событиями московского периода истории России, как основную причину своего скепсиса. Однако он упоминает топонимику Муромца, как косвенное доказательство существования, как минимум, легенд об Илье в период до 1574 года²². Он знаком с трудами М.А. Максимовича²³, но достоверным прототипом Ильи считал самозванца Илейку Муромца (Лжепетра), и прототипом одного образа — казачьего.

Б.М. Соколов, анализируя «крестьянский слой в былинах²⁴», пришел к выводу о том, что Илья Муромец в его позднем, переработанном виде (село

¹⁸ Халанский М.Г. Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885. С. 11

¹⁹ Халанский М.Г. Об отношении былин об Илье Муромце к Сказаниям об Олеге Вещем // Журнал министерства народного просвещения. 1911. № 9.

²⁰ Дашкевич Н.П. Былины об Алеше Поповиче и о том, как не осталось на Руси богатырей. Киев, 1883. С. 7.

²¹ Иловайский Д.И. Богатырь-казак Илья Муромец как историческое лицо // Русский архив. 1893. Кн. 5. С. 35–60.

²² Там же. С. 40.

²³ Максимович М.А. В каком веке жил Илья Муромец? // Максимович М.А. Собр. соч. Т. 1. Киев, 1876. С. 126–128.

²⁴ Соколов Б.М. Крестьянский слой в былинах // Русский фольклор. Вып. 1. М., 1929. С. 35, 36.

Карачарово вместо Моровийска и т.п.) является последствием пребывания былин в крестьянской среде.

Взгляды фольклористов с 1900 по 1941 г. подробно исследовала Т.Г. Иванова. По сведениям, изложенным в ее труде²⁵, С.К. Шамбинаго связывал образ Ильи Муромца с заставами XVI в., А.И. Лященко полагал, что былина о бое Или Муромца с сыном основана на событиях, связанных с эпизодом из жизни короля Коломана, непризнанный сын которого пошел против отца и погиб в 1155 г.

А.М. Астахова указала время и происхождение героя со ссылкой на мнение Д. С. Лихачева²⁶, согласно которому, начало складывания былин об Илье Муромце может относиться к периоду не ранее второй половины XI века и не позднее XII в. Учитывая эпохальный характер трудов, в которых это мнение было изложено Д.С. Лихачевым, и рассуждения А.М. Астаховой о необходимости изучения каждого сюжета (так как они имеют разновременный характер), трудно сказать, насколько она действительно разделяла его точку зрения. Она констатировала: «Неизвестно, когда именно и в какой части старой Руси стали складываться первые былины об Илье Муромце. Неизвестно также, являлось ли какое-либо определенное лицо историческим прототипом этого эпического образа»²⁷.

В конечном счете, ее мнение склонилось к признанию раннего появления образа Ильи Муромца: «В образе Илиаса Саг, могучего богатыря, совершающего ряд подвигов, чувствуются отголоски русских былин. Если же Илья саг вошел в западный эпос из русских былин, следует признать, что какой-то круг былин или преданий об Илье Муромце, приуроченный к князю Владимиру как к эпическому центру, сложился уже в XII веке»²⁸.

Точка зрения В.Я. Проппа²⁹ о времени сложения былин (XIII век) близка к воззрениям А.М. Астаховой. Он полагал, что древнейшими былинами являются сюжеты о Соловье-Разбойнике, о бое Ильи Муромца с сыном, но былинку об Илье и Святогоре считал сказкой, занесенной с Востока, и это при том, что сюжет о Подсокольнике и сюжет о Златогоре (Святогоре), вдова которого и мать Подсокольника (Святогорка / Златогорка / Латыгорка / Златыренка / Латыголка и т.д.) непосредственно связаны между собой.

В.Я. Пропп «заблуждался»³⁰ неоднократно. Следует учитывать, что В.Я. Пропп и А.М. Астахова работали в условиях жесткой политической конъюнктуры³¹, что сказалось на их публикациях, имевших компромиссный характер: «...а те, кто видел наши застенки, (я видел и кое-что знаю), только и могут, что сидеть по углам и быть незаметными»³².

²⁵ Иванова Т.Г. История русской фольклористики XX века: 1900–1941 г. СПб., 2009.

²⁶ Русское народное поэтическое творчество. Очерки по истории русского народного поэтического творчества 10-18 веков. Т. 1. М.; Л., 1953. С. 227.

²⁷ Астахова А.М. Илья Муромец. М.; Л., 1958. С. 406–407.

²⁸ Там же. С. 409.

²⁹ Пропп В.Я. Путилов Б.Н. Былины. Т. 1. М., 1958. С. 119–122.

³⁰ Селиванов Ф.М. Поэтика в историко-филологическом освещении. М., 2009. С. 10.

³¹ Корбе О., Стратанович Г. Обсуждение доклада И.И. Потехина «Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии // Советская этнография. 1949. № 2. С. 170–177.

³² Пропп В.Я. Дневник старости // Неизвестный В.Я. Пропп. СПб., 2002. С. 316.

Б.А. Рыбаков, взяв за точку отсчета в истории эпоса строительство укреплений на границе Киевской Руси и прецеденты возвышения простых людей (Кожемяка) в правление Владимира I, указал X в. временем возможного появления в эпосе героя — крестьянина и былин о поездках Ильи Муромца. Он обосновал историческими условиями даты (возможного) появления былинных сюжетов с 975 по 990-е гг., отдавая себе отчет в том, что с ним не согласятся: «Конечно, эта детальная периодизация внутри одного цикла никогда не может быть доказана с полной неопровержимостью во всех своих звеньях, так как ряд былин дошел до нас со следами позднейших переделок и дополнений»³³.

М.М. Плисецкий был более прямолинейным в своих суждениях: «Народный герой борется и против произвола господствующей верхушки, против эксплуататоров. Былинные богатыри находятся в оппозиции и постоянном конфликте с княжеско-боярской верхушкой, обличают беззаконие бояр, их изменническое поведение»³⁴.

В.Г. Смолицкий³⁵ при анализе былины о Святогоре отметил, что Святогор является второстепенным персонажем, «фоном» для действий Ильи Муромца. По мнению ученого, Илья Муромец должен восприниматься в сравнении со Святогором как «старший герой».

Д.М. Балашов³⁶, используя идеи Л.Н. Гумилева, заявил: «По нашему мнению, эпос идеологически оформляет создание этноса в его первой, пассионарно-монолитной стадии». Он выделил на территории Руси «пассионарные взрывы» в XIV–XV вв. и в I–II в. н.э., в результате которых появились новые народы, и, соответственно, эпические песни. Он датировал создание русского эпоса V–VI в. Илья Муромец в его трактовке выступает как передаточное звено, осуществляющее связь между старой (Праславяно-Карпатской) и новой (Древнерусско-Киевской) традициями.

С.Н. Азбелев³⁷ склонен удревять образ Ильи Муромца, заявляя о существовании образа Ильи в эпоху Гуннов и относя начало формирования былин к V в. Единственное из цепочки его «доказательств», позволяющее косвенно говорить о более древнем формировании образа Ильи Муромца, это наличие в Киеве соборной церкви Святого Ильи в правление Игоря, т.е. в первую половину X века. Остальные доводы крайне шатки и вряд ли могут быть приняты. Например, указание на «Латынскую» и «Тальянскую» землю как место, где Илья «гостил»³⁸.

Позицию С.Н. Азбелева можно понять, как отчаянную попытку завязать дискуссию о времени сложения былин. В расчете на это, по-видимому, он оста-

³³ Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания, Былины, Летописи. М.:Л., 1963. С. 77.

³⁴ Плисецкий М.М. Историзм русских былин. М., 1962. С. 35.

³⁵ Смолицкий В.Г. Былина о Святогоре // Славянский фольклор М., 1972. С. 71–81.

³⁶ Балашов Д.М. Из истории былинного эпоса. Святогор // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 10. 1981. С. 10–21.

³⁷ Азбелев С.Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007.

³⁸ Этимология упомянутых терминов не географическая и восходит, скорее всего, в одном случае к камню «Златырю» (Алатырю), в другом, к понятию «Таль» — пленник, заложник, хотя в XIX веке Италия в простонародье часто называлась «Тальянской» Землей, отсюда гармонь — «Тальяночка» и т.д.

вил очевиднейшие уязвимые места в своей работе. Однако не всегда оправданная гневная риторика в отношении «дилетантов»³⁹, которыми он считал, в частности, И. Я. Фроянова и Ю. И. Юдина⁴⁰, и некорректная, с «ошибками»⁴¹, критика, не способствовали повышению интереса к проблеме.

Попыткой сближения противоположных позиций и систематизации работы с эпическими текстами, можно считать труд Ф.М. Селиванова, изданный после смерти автора. Он не стал создавать искусственную схему и подгонять под нее эпические сюжеты. Вместо этого ученый попытался разобраться в сюжетных взаимосвязях и композиции былин. Илью Муромца он воспринимал как функциональный элемент сюжета, позволяющий организовать «условно-определенное время» и «разорвать замкнутость времени сюжета и эпоса в целом». По его мнению, в былинах есть «перспективное будущее» и «особое понимание времени и пространства»⁴².

Серьезной научной дискуссии в отношении русского (восточнославянского) эпоса в последнее время не наблюдается. Отчасти это связано с отсутствием приемлемой для всех методологии, позволяющей изучать историческую информацию, заложенную в эпосе, а также с разрывом в уровне научной подготовки исследователей былин. Фольклористам-филологам высочайшей квалификации, таким как Ю.А. Новиков, Ю.И. Смирнов, В. П. Аникин, фактически не с кем дискутировать. Фигуры такого масштаба, как Б.А. Рыбаков в эпоху В.Я. Проппа, сейчас среди историков нет. Это не означает, что отсутствуют попытки исторического осмысления образа Ильи Муромца. Здесь можно указать на работы Л. Р. Прозорова, С.В. Горюнкова и др., но это немного другой уровень знания материала.

Исследования Л.Р. Прозорова не всегда свободны от тенденциозности⁴³ (автор убежденный язычник), но отличаются талантливой обработкой материала⁴⁴ и популярным изложением сложных тем. В образе Ильи Муромца он отмечает многочисленные признаки, указывающие на реликтовый языческий пласт в эпическом мировосприятии — богатыри действительно часто грозятся посмотреть друг у друга «серцо с печенью», указывают понятие «боги» во множественном числе и т.д.

С.В. Горюнков связывал с культом Ильи Муромца имя одного из князей: «И если в середине X в. главная (соборная) церковь древнего Киева носила имя св. Илии, а в начале XI в. имя старшего сына Ярослава тоже было Илья, то уже к концу княжения Ярослава Владимировича идеологическая ситуация резко из-

³⁹ *Азбелев С.Н.* «Новые работы о русском эпосе» // *Русский фольклор. Материалы и исследования.* Т. 31. СПб., 2001. С. 419.

⁴⁰ *Фроянов И.Я. Юдин Ю.И.* Былинная история. СПб., 1997.

⁴¹ *Козловский С.В.* Исследования о русском эпосе в журнале «Русский фольклор: материалы и исследования» (1950-2000-е гг.) // *Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ.* Ижевск, 2008. С. 175–182.

⁴² *Селиванов Ф.М.* Поэтика былин в историко-филологическом освещении: композиция, художественный мир, особенности языка. М., 2009. С. 166.

⁴³ *Прозоров Л.Р.* Этническое и расовое самосознание в русском эпосе // Тезисы Российской научно-практической конференции. «Этнический фактор и политика. История и современность». Зимняя школа. 3–4 марта 2000 г. Ижевск, 2000. 154 с.

⁴⁴ *Прозоров Л.Р.* Времена русских богатырей. По страницам былин вглубь времен. М., 2006. 288 с.

менилась: культ Ильи вместе с былинами о нем и вместе со статусом наречения его именем перешел в низшие социальные слои Руси...»⁴⁵. В отсутствии единой методологии попытки изучать эпос на основе «метафорики» (недостатки данной методики очень хорошо показал В.П. Аникин⁴⁶), к тому же с многочисленными неизбежными допущениями и догадками, не кажутся убедительными, несмотря на высокий уровень научной эрудиции автора и большое число привлеченных источников.

Некоторые научные работы о русском эпосе выглядят в глазах историка необычно, например, статьи М.С. Родионова. Он определяет время былины «Илья Муромец и Идолище в Царьграде» XI–XII вв.⁴⁷. В целом для него характерна попытка связать былины с военной средой, значение которой абсолютизируется. Предлагаемый им «метод стемм», по его словам, «опирается на анализ внешних признаков текста и сопоставление разночтений во всех его известных вариантах»⁴⁸. Это похоже на методику В.П. Аникина⁴⁹, но, в отличие от него, специфика эпоса М.С. Родионовым не учитывается: автор в основном ищет в эпосе соответствие дружинной лексике (профессиональной) и считает % соотношения слов по их повторяемости. Этот подход даже формальным можно назвать с большой натяжкой.

Впрочем, все познается в сравнении. В качестве положительного примера можно назвать исследования Н.Д. Москина⁵⁰, который сумел создать приемлемую основу для грамотного применения подобного подхода к эпическим материалам.

Пение былины — это творческий процесс, который каждый раз заставляет сказителя формулировать сюжет заново в определенных пределах. Специфика былин в том, как писал П.Д. Ухов, что их не «заучивают», а «понимают», т.е. смысл и форма сохраняются и при замене лексики, если сохраняется былинный стиль. Загонять былины в искусственные рамки бессмысленно, хотя контент-анализ информации былин, в его систематичной и грамотной версии, имеет серьезные перспективы.

В самой идее — проверять алгеброй гармонию, чем является попытка представить былины как некое «информационное поле», в котором содержится «информационный код»⁵¹ — нет ничего предосудительного, вопрос в результатах.

⁴⁵ Горюнков С.В. Незнакомая Древняя Русь или как изучать язык былин. СПб., 2010. С. 156.

⁴⁶ Аникин В.П. Метафорика или история? (о статье С. В. Горюнкова «о сюжете „Илья Муромец и Соловей разбойник“») // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2009. №2 Июнь. С. 114–121.

⁴⁷ Родионов М.С. К вопросу о прототипе героев былины «погребение Святогора» // Вестник ЧелГУ. 2009. №17 (155) С. 112.

⁴⁸ Родионов М.С. Метод стемм при решении проблемы исторической хронологии вариантов фольклорного текста (на примере былины «бой Добрыни с Дунаем») // Вестник ЧелГУ. 2009. №17 (155) С. 138.

⁴⁹ Аникин В.П. Метод выяснения исторической хронологии вариантов М., 1984.

⁵⁰ Москин Н.Д. Теоретико-графовые модели с упорядоченной иерархической структурой и их использование в анализе синтаксиса поэтических текстов // Ученые записки Петрозаводского Государственного университета. 2013. №6 (135).

⁵¹ Родионов М.С. Информационное поле былин Киевского цикла // Вестник ЧелГУ. 2009. №17 (155) С. 64–70.

Последним из общепризнанных исследователей, который пытался сделать нечто подобное в отношении социальной практики (концепция идеальных типов), но преуспел лишь частично, был Макс Вебер. Его выводы поставили крест на концепции фиксации социальных действий как статистических фактов, так как регистрация действия ничего не дает для его объяснения. Действия героя в обществе имеют субъективный характер и зависят от контекста сюжета, их значение можно выявить после определения мотивации субъекта по конечному результату его поступков, при условии достижения им поставленной цели.

Математические методы имеют формальный характер, поэтому на современном этапе, могут быть лишь вспомогательными. По той же причине (за формализм, лишающий текст смысловой нагрузки) обычно критикуют⁵² и функциональный анализ В. Я. Проппа. Эти методы применимы к былинам, но их можно использовать лишь в комплексе с другими, в идеале: социологическим, например, ситуационным (кейс-стади), текстологическим, лингвистическим, историко-сравнительным и т.д.

Малоубедительны и доводы Д.В. Колосова, в трудах которого Илья Муромец рассматривается в контексте идеи четырех поколений эпических героев: «Сначала Илья проявляется как архаический герой. Как борец с хтонической нечистью Илья представляет второе поколение. В качестве героя третьего поколения он возглавляет богатырскую заставу и высказывает оппозицию князю Владимиру. С угасанием эпической героики Илья Муромец исчезает, что вовсе не символизирует смерть, но надежду вернуться»⁵³. Развитием этой идеи можно считать попытки проследить отражение в эпической героике трехчленной системы деления ранних обществ Ж. Дюмезиля. Взгляды Д.В. Колосова мало связаны с логикой былин: «несмотря на многогранность образов Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович вполне вписываются в традиционную троичную схему, где Илья Муромец представляет Воина, Добрыня Никитич — Жреца; образ же Алеши Поповича — выражение той причудливой метаморфозы, что произошла со временем с архаическим образом пахаря»⁵⁴. Логика автора вызывает недоумение: «Хотя былинный цикл об Илье Муромце сложился позже, нежели легенды о двух других героях богатырской троицы, образ Ильи представляется наиболее архаическим...». Налицо противоречие, которое автор не объяснил, и таких противоречий слишком много. Попытки вписать эпический материал в искусственную схему ведут к выходу за ее рамки, т.е. к несостоятельности самой схемы.

И.В. Лисюченко проводит более последовательный анализ, сравнивая социальную практику былинного эпоса, в том числе на примере сюжета об Илье и Сокольнике⁵⁵ и письменных источников. Ему удалось взять лучшие элементы методики, применявшейся в отношении былин И.Я. Фрояновым. Автор анали-

⁵² Почепцов Г.Г. Русская семиотика. М., 2001. С. 489.

⁵³ Колосов Д.В. Сквозной герой былинного эпоса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. №3–1.

⁵⁴ Колосов Д.В. Некоторые замечания по вопросу структуры эпоса [троичная структура образа эпического героя] // Научные ведомости БелГУ. 2015. №7 (204). С. 16.

⁵⁵ Лисюченко И.В. Наследование власти у восточных славян в былинном сюжете «Илья и Сокольник» // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №4–4.

зирует, прежде всего, сакральные моменты социальной практики, сохраняемые эпической традицией.

С.В. Конча, пытаясь начать дискуссию об историзме былин, исследовал образ Ильи Муромца с историко-археологических позиций. Его работы⁵⁶ представляют особый современный подход к историчности былин. Если другие историки пытаются опереться на обобщенные данные о ментальности Древней Руси, отраженные в письменных источниках, сравнивая их с описанием той же ментальности в отражении былин, то С. В. Конча делает акцент на сравнении с обобщенными данными археологических исследований⁵⁷.

Былинная информация показывает «взгляд снизу» на события. Даже самые осторожные специалисты отмечают ее необходимость для науки: «В более чистом виде старые представления сохранялись в народном сознании, как следует из фольклорной традиции»⁵⁸. Меняется концепция осмысления этой информации. Характерной чертой современных работ о былинах является то, что детальная разработка вопроса об историзме в них не имеет ключевого значения. Для целей, которые ставят исследователи, достаточно соответствия былин рамкам эпохи Киевской Руси. Русский героический эпос используется как дополнительный исторический источник для исследования сферы ментальности в рамках эпохи Древней Руси.

В настоящее время, кроме упомянутых, существенный интерес представляют работы В.В. Долгова, Н.В. Петрова, И.П. Черноусовой, И.В. Лозового, обычно напрямую не затрагивающие вопрос об Илье Муромце как исторически значимом персонаже, вписанном в некие датированные события, но позволяющие частично приблизиться к выявлению его места в исторически обоснованной хронологии былинных материалов.

Анализировать отдельные статьи упомянутых авторов нерационально, поскольку в достаточной мере отразить их воззрения могут только крупные формы, что вызвано спецификой эпоса, требующего учитывать множество нюансов. Это видно на примере работ И.П. Черноусовой, чье подробное изложение своей позиции в диссертации снимает многие возражения и отвечает на вопросы, ответы на которые, по всей видимости, невозможно было уместить в узкие рамки статей.

Исследования многих современных ученых, за исключением Ю.А. Новикова⁵⁹, проделавшего колоссальную работу по выявлению фальсифицированных и книжных вариантов былин, И.П. Черноусовой⁶⁰, де-факто создавшей особый

⁵⁶ Конча С.В. К вопросу об исторической памяти в былинах // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2009. №3 (37), сентябрь. С. 50–52.

⁵⁷ Конча С.В. Былины о Святогоре и вопрос об историзме былинного эпоса // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2010. №4. С. 42–55.

⁵⁸ Пузанов В.В. Вождь-харизматик древних славян. Сакральный и этнический факторы // Записки Казанского государственного университета Т. 150. кн.1. Гуманитарные науки. 2008. С. 10.

⁵⁹ Новиков Ю.А. Былина и книга: Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. СПб., 2001.

⁶⁰ Черноусова И.П. Русская ментальность в зеркале языка фольклора (на примере фольклорной концептосферы, отраженной в диалоговых моделях эпических жанров). Липецк, 2013. 293 с.

подход к изучению былин как научного источника для изучения ментальности, и В.В. Долгова⁶¹, систематически использующего эпические материалы для исторического изучения ментальности в рамках эпохи Киевской Руси, имеют отрывочный и не всегда последовательный характер, что ограничивает возможности научной дискуссии по вопросам, связанным с изучением русского героического эпоса.

Можно констатировать, что наиболее обоснованными и сбалансированными остаются выводы об Илье Муромце, сделанные А.М. Астаховой, которая старалась дать особую датировку для каждого сюжета, а не для образа в целом, указав границы создания сюжетов довольно широко.

Перспективы изучения как образа Ильи Муромца, так и русских былин в целом, отчетливо прослеживаются: **исторические факты, находящиеся в идеально-обобщенной форме**, имеющиеся в русском героическом эпосе, **надо сравнивать только с явлениями того же порядка**, т.е. с **обобщенными данными** (в качестве которых можно назвать материалы, имеющие отношение к статистически значимым (**идеально-обобщенным**) фактам — в археологии, этнографии, социальной практике и ментальности).

Более конкретные данные об Илье Муромце можно получить путем реконструкции былинных текстов и этапов развития русского героического эпоса, последовательно выявляя эпизоды, относящиеся к разным периодам, о чем писал еще В.Я. Пропп, называя такой метод (ретроспективного анализа) «палеонтологическим». Однако это требует пересмотра методики изучения, применения математических методов, контент-анализа и т.д., что породит новые сложности: реконструированный текст уже не будет «живым», это будет схематическая модель, неизбежно потерявшая часть смыслового наполнения.

Таким образом, на настоящем этапе развития методологии, историческая информация былинного эпоса может быть (дополнительным), но не самостоятельным, а лишь вспомогательным историческим источником, позволяющим иллюстрировать, взглянуть со стороны и раскрыть неясные моменты социальной практики, значение археологических находок, некоторых обычаев, средневекового мировосприятия, мотивации и ментальности.

Источники и литература:

1. *Азбелев С.Н.* Новые работы о русском эпосе // Русский фольклор. Материалы и Исследования. Т. 31. СПб., 2001. С. 413–437.
2. *Азбелев С.Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007.
3. *Аксаков К.С.* Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням // *Аксаков К. С., Аксаков И. С.* Литературная критика / Сост., вступит. статья и коммент. А.С. Курилова. М., 1981.
4. *Аникин В.П.* Метафорика или история? (о статье С. В. Горюноква «о сюжете “Илья Муромец и Соловей разбойник”») // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Июнь 2009. №2 С. 114–121.

⁶¹ *Долгов В.В.* Русский героический эпос как источник реконструкции элементов сознания народа Древней Руси XI–XIII веков: к вопросу об эпической картине социального быта // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №15.

5. *Аншкин В.П.* Метод выяснения исторической хронологии вариантов. М., 1984.
6. *Астахова А.М.* Илья Муромец. М.;Л., 1958.
7. *Афанасьев А.А.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868.
8. *Балашов Д.М.* Из истории былинного эпоса. Святогор // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 10. 1981. С. 10–21.
9. *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. СПб., 1861.
10. *Веселовский А.Н.* Южно-русские былины. СПб., 1881.
11. *Горюнков С.В.* Незнакомая Древняя Русь или как изучать язык былин. СПб., 2010.
12. *Дашкевич Н.П.* Былины об Алеше Поповиче и о том, как не осталось на Руси богатырей. Киев, 1883.
13. *Долгов В.В.* Русский героический эпос как источник реконструкции элементов сознания народа Древней Руси XI–XIII веков: к вопросу об эпической картине социального быта // Вестник ЧелГУ. 2008. №15. С. 15–22.
14. *Жданов И.Н.* К литературной истории русской былевой поэзии. СПб., 1881.
15. *Иванова Т.Г.* История русской фольклористики XX века: 1900–1941 г. СПб., 2009.
16. *Иловайский Д.И.* Богатырь-казак Илья Муромец как историческое лицо // Русский архив. 1893. Кн. 5. С. 35–60.
17. *Козловский С.В.* Исследования о русском эпосе в журнале «Русский фольклор: материалы и исследования» (1950–2000-е гг.) // Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ / Сборник статей Научно-практической конференции: к 90-летию со дня рождения профессора Василия Евгеньевича Майера. Сост. и общ. ред. Н.Ю. Старкова, Н.Г. Шишкина, Д.А. Черненко. Ижевск, 2008. С. 175–182.
18. *Колосов Д.В.* Сквозной герой былинного эпоса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. №3–1. С. 68–74.
19. *Колосов Д.В.* Некоторые замечания по вопросу структуры эпоса [троичная структура образа эпического героя] // Научные ведомости БелГУ. Т. 34. 2015. №7 (204). С. 13–18.
20. *Конча С.В.* Былины о Святогоре и вопрос об историзме былинного эпоса // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. №4. С. 42–55.
21. *Конча С.В.* К вопросу об исторической памяти в былинах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. сентябрь 2009. №3 (37). С. 50–52.
22. *Корбе О., Стратанович Г.* Обсуждение доклада И.И. Потехина «Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии» // Советская этнография. 1949. №2. С. 170–177.
23. *Лисюченко И.В.* Наследование власти у восточных славян в былинном сюжете «Илья и Сокольник» // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №4–4. С. 146–149.
24. *Майков Л.Н.* О былинах Владимирова цикла. Исследование на степень магистра русской словесности. СПб., 1863.
25. *Максимович М.А.* В каком веке жил Илья Муромец? // Максимович М.А. Собр. соч. Т. 1. Киев, 1876. С. 126–128.
26. *Миллер В.Ф.* Отголоски смутного времени в былинах. СПб., 1906.
27. *Миллер В.Ф.* Очерки русской народной словесности. Былины. Очерки I–XVI. М., 1897.
28. *Миллер В.Ф.* Эскурсы в область русского народного эпоса. I–VIII. М., 1892.
29. *Миллер О.Ф.* Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса: Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869.
30. *Москин Н.Д.* Теоретико-графовые модели с упорядоченной иерархической структурой и их использование в анализе синтаксиса поэтических текстов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. №6 (135) С. 113–118.

31. *Новиков Ю.А.* Былина и книга: Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. СПб., 2001.
32. *Плисецкий М.М.* Историзм русских былин. М., 1962.
33. *Погодин М.П.* Замечание о наших былинах // Журнал министерства народного просвещения. 1870. Декабрь. С. 155–171.
34. *Потанин Г.Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.
35. *Почепцов Г.Г.* Русская семиотика. М., 2001.
36. *Прозоров Л.Р.* Времена русских богатырей. По страницам былин вглубь времен. М., 2006.
37. *Прозоров Л.Р.* Этническое и расовое самосознание в русском эпосе // Тезисы Российской научно-практической конференции. «Этнический фактор и политика. История и современность». Зимняя школа. 3–4 марта 2000 г. Ижевск, 2000. С. 35–39.
38. *Пропп В.Я.* Дневник старости // Неизвестный В.Я. Пропп / Предисл., сост. А.Н. Мартыновой; подгот. текста, коммент. А.Н. Мартыновой, Н.А. Прозоровой. СПб., 2002.
39. *Пропп В.Я.* Путилов Б.Н. Былины. Т. 1. М., 1958.
40. *Пузанов В.В.* Вождь-харизматик древних славян. Сакральный и этнический факторы // Записки Казанского государственного университета. Т. 150. Гуманитарные науки. 2008. №1. С. 7–13.
41. *Родионов М.С.* Информационное поле былин Киевского цикла // Вестник ЧелГУ. 2009. №17 (155). С. 64–70.
42. *Родионов М.С.* К вопросу о прототипе героев былины «погребение Святогора» // Вестник ЧелГУ. 2009. №17 (155). С. 112–120.
43. *Родионов М.С.* Метод стемм при решении проблемы исторической хронологии вариантов фольклорного текста (на примере былины «бой Добрыни с Дунаем») // Вестник ЧелГУ. 2009. №17 (155). С. 136–141.
44. Русское народное поэтическое творчество. Очерки по истории русского народного поэтического творчества 10-18 веков. Т. 1. М.; Л., 1953.
45. *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания, Былины, Летописи. М.;Л., 1963.
46. *Селиванов Ф.М.* Поэтика былин в историко-филологическом освещении: композиция, художественный мир, особенности языка. М., 2009.
47. *Смолицкий В.Г.* Былина о Святогоре // Славянский фольклор. М., 1972. С. 71–81.
48. *Соколов Б.М.* Крестьянский слой в былинах // Русский фольклор. Вып. 1. М., 1929.
49. *Стасов В.В.* Происхождение русских былин // Вестник Европы. Т. 2. Кн.4. 1868. С. 651–675.
50. *Фроянов И.Я. Юдин Ю.И.* Былинная история. СПб., 1997.
51. *Халанский М.Г.* Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885.
52. *Халанский М.Г.* Об отношении былин об Илье Муромце к Сказаниям об Олеге Вещем // Журнал министерства народного просвещения. 1911. № 9. Отд. 2. С. 40–62.
53. *Черноусова И.П.* Русская ментальность в зеркале языка фольклора (на примере фольклорной концептосферы, отраженной в диалоговых моделях эпических жанров). Липецк, 2013.